

Итак, вплоть до 1917 г. Достоевский оставался для царской власти писателем «нежелательным» для русской учащейся молодежи (и в первую очередь для «низшей» школы, т. е. наиболее разветвленного и демократического учебного института). Мнение о недоступности Достоевского разумению юного читателя достаточно прочно укоренилось в кругах также и высшего педагогического начальства.

И все же «русские мальчишки» с упоением читали его великие романы, несмотря на любые педагогические запреты. В посмертном поединке Достоевского с цензурой победа в конечном счете осталась на стороне правды.

Ф. И. ЕВНИН

ДОСТОЕВСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

(Заметки)

В последнее время внимание литературоведов все более настойчиво привлекает важная, но пока малоисследованная проблема воздействия творчества Достоевского на русских писателей конца XIX—начала XX века. Появились работы «Достоевский и Блок», «Достоевский и Л. Андреев», «Достоевский и Горький». Но и по сей день проблема эта разработана недостаточно. Данный этюд содержит некоторые частные наблюдения на эту тему. Не претендуя на обобщающее значение, он иллюстрирует широкое и плодотворное влияние идей и образов Достоевского на последующий ход литературного процесса.

Отголоски «бунта» Ивана Карамазова в рассказе В. Г. Короленко «Сон Макара»

По содержанию и направленности творчества Короленко был далек от Достоевского. Его литературными «вдохновителями» справедливо считают прежде всего Г. И. Успенского и Тургенева. Находясь под явным впечатлением известной статьи Н. К. Михайловского «Жестокий талант», Короленко весьма критически отзывался о том, что он считал характерным для Достоевского методом преломления жизненных явлений в художественном творчестве. Многие в мировоззрении и творческом наследии Достоевского вызывало у него живейший отпор.¹ За всем тем он высоко ставил автора «Братьев Карамазовых»,

¹ Об отношении Короленко к Достоевскому см. содержательную статью: Морозова Т. Г. Короленко критик Достоевского, — Лит. наследство, т. 86, М., 1973, с. 621—642.

В черновом варианте статьи о Л. Н. Толстом (1908) Короленко писал, что русские могут гордиться тем, что «наша родина дала всемирной литературе двух таких писателей, как И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, — можно прибавить и третье имя — Достоевский».² В окончательном тексте этой статьи Короленко, отдав явное предпочтение Толстому, все же отметил, что у Достоевского «местами, как клочки неба в черных лесных озерах, „сверкают“ откровения изумительной глубины и силы».³

Не могли не будить сочувственного отклика в душе Короленко демократизм и гуманизм Достоевского как певца и защитника «бедных людей». В речи Достоевского на могиле Некрасова, которую Короленко довелось самому услышать, наибольшее впечатление на него произвело «то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим <...> голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из „господ“. Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа <...> Мне долго потом вспоминались слова Достоевского, именно как предсказание близости глубокого социального переворота, как своего рода пророчество о народе, грядущем на арену истории».⁴

Отвергая многое в идейно-художественном наследии Достоевского, Короленко с большим пиететом писал о нем как о «беспощадном и суровом поэте „униженных и оскорбленных“».⁵ Тема безвинных, ничем не заслуженных человеческих страданий, несовершенства всего существующего уклада жизни, с такой силой воплощенная в главах III—IV книги пятой «Братьев Карамазовых», не могла не волновать Короленко. Она и нашла прямое отражение в произведении, положившем начало широкой известности писателя, — в святочном рассказе «Сон Макара». У Достоевского вопрос о «страданиях деточек», о торжестве зла на земле поднят до уровня важнейшей философской проблемы. Бунт Ивана — это бунт против бога как творца всего сущего. Иван оспаривает важнейшие атрибуты его — благость, милосердие, любовь к людям. Он гневно осуждает все мироустройство как несовершенное и несправедливое. И в мудрой социально-философской притче Короленко основу составляет мотив богоборчества. И здесь человек дерзновенно восстает против бога, вменяя ему в вину свои горести и страдания — и даже свои прегрешения.

Уже в первых строках рассказа автор дает понять, что речь пойдет не просто о крестьянине из глухой слободки, затерявшейся в якутской тайге, но о фигуре более общего плана: «Этот сон видел бедный Макара, который загнал своих телят в далекие,

² Цит. по статье Т. Г. Морозовой — Лит. наследство, т. 86, с. 626.

³ В. Г. Короленко о литературе. М., 1957, с. 127.

⁴ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 6. М., 1954, с. 199 («История моего современника», часть четвертая, гл. X).

⁵ Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 3. СПб., 1914, с. 360.

угрюмые страны, — тот самый Макар, на которого, как известно, валятся все шишки».⁶ Перед нами, следовательно, обойденный судьбой бедняк, неудачник вообще — персонаж русского фольклора. Само имя его (Макар по-гречески — «счастливчик») имеет символический смысл — полно горькой иронии. Темный, одичавший (полу-русский — полу-якут), Макар влачит самое жалкое существование. «Работал он страшно, жил бедно, терпел голод и холод» (с. 104). И вдруг чудесный сон переносит его в хоромы большого Тойона — самого господа бога. Макару снится, что он умер и над ним вершится последний суд. На одну — золотую — чашу весов кладут «Макаровы жерди, и его дрова, и его пахоту, и всю его работу» (с. 125), на другую — деревянную — все его обманы, прегрешения, все выпитые им бутылки водки. И хотя тяжела была работа Макара, деревянная чаша в конце концов перетягивает золотую. Старый Тойон готов уже вынести бедняге жестокий приговор, но тут с Макаром происходит нечто странное. Он, «который никогда в жизни не произносил более десяти слов кряду, вдруг ощутил в себе дар слова» (с. 126). Ничуть не боясь всемогущего Тойона, он страстно оспаривает справедливость его приговора, заявляя о непосильности понесенных им трудов, о непомерности испытанных им страданий. «Его гоняли всю жизнь! — говорит Макар. — Гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу (приношения от верующих. — *Ф. Е.*), гоняли нужда и голод; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!..» (с. 127).

«Пусть <...> поищут: когда он испытал от кого-нибудь ласку, привет или радость? Где его дети? Когда они умирали, ему было горько и тяжело, а когда вырастали, то уходили от него, чтобы в одиночку биться с тяжелою нуждой» (с. 128). Он так и не узнал, «зачем и куда увели его старшего сына, которого взяли в солдаты, и где он умер, и где теперь его бедные кости» (с. 127). Ему пришлось рубить жерди в лесу и тогда, когда заболела его жена («он хотел сидеть у своей старухи, а нужда его гнала в тайгу... И в тайге он плакал, и слезы мерзли у него на ресницах, и от горя холод проникал до самого сердца... А он рубил!»), и после смерти жены — чтобы «заплатить за женин дом на том свете» («старуха лежала одна в нетопленной мерзлой избе, а он опять рубил и плакал»). По мнению Макара, нарубленные им тогда возы дров «надо считать впятеро и даже более» (с. 127—128).

Рассказ Макара заставляет Тойона прослезиться, золотая чашка весов начинает опускаться, а деревянная — подниматься. Но большой Тойон все же с упреком спрашивает Макара, почему же он так непохож на его праведников, у которых глаза

⁶ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 1. М., 1953, с. 103. — В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте.

ясны, лица светлы, одежды без пятен, сердца мягки. «А ты посмотри на себя <...> Лицо твое темное <...>, глаза мутные и одежда разорвана. А сердце твое поросло бурьяном, и тернием, и горькою полынью. Вот почему я люблю моих праведных и отвращаю лицо от подобных тебе нечестивцев» (с. 128—129).

Но Макар и на это находит ответ: в его недостатках и преступлениях повинен не он. Он говорит, что у праведников, живших в богатых хоромах, глаза ясны потому, что не проливали слез столько, сколько их пролил он, а чистые одежды сотканы чужими руками.

«И он родился, как другие, — с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное в мире. И если теперь он желает скрыть под землю свою мрачную и позорную фигуру, то в этом вина не его... А чья же? — Этого он не знает... Но он знает одно, что в сердце его истоцилось терпение» (с. 129).

Отчаяние, гнев, ярость переполняют душу Макара. Но все услышанное пробуждает у Тойона глубокую жалость к барахсану (бедняге, — Ф. Е.), и он обещает ему, что на том свете и для него «найдется правда». Сознание того, что его жалеют, смягчило сердце Макара. «И он заплакал... И старый Тойон тоже плакал <...> А весы все колыхались, и деревянная чашка подымалась все выше и выше!..» (с. 130).

В нашем литературоведении прочно утвердилась трактовка рассказа «Сон Макара» как важной вехи в эволюции взглядов Короленко на народ и его возможности. В наиболее развернутом и аргументированном виде она была высказана в монографии Г. А. Бялого «В. Г. Короленко» (1949). По мнению Г. А. Бялого, «Сон Макара» — свидетельство о том, что в душе самого тихого, самого убогого и дикого Макара таится «сон» о социальной несправедливости... и маячит ничем не угасимая надежда на «лучшую долю», что эта надежда вот-вот перейдет в великий гнев и ярость, потому что «в сердце его истоцилось терпение».⁷

С теми или иными вариациями трактовка эта, ограничивающая смысл произведения социально-политической сферой, нашла выражение в ряде последующих специальных работ, посвященных рассказу, например в статье В. И. Каминского «„Сон Макара“ и народническая беллетристика 1870—1880-х гг.»,⁸ статье Г. А. Васильевой «Рассказ Короленко „Сон Макара“»,⁹ в статье А. К. Котова «Владимир Галактионович Короленко» (1953)¹⁰ и т. д.

Не подлежит сомнению, что это толкование проясняет многое

⁷ Бялый Г. А. В. Г. Короленко, Л., 1949, с. 64.

⁸ См.: Русская литература, 1960, № 2, с. 146—160.

⁹ Научные записки Государственного музея Короленко, вып. 1. Полтава, 1961, с. 3—27.

¹⁰ См.: Котов А. Статьи о русских писателях. М., 1958, с. 37.

в авторском замысле и в идейном содержании рассказа. И все же, на наш взгляд, ставшая традиционной трактовка не исчерпывает ни объективного содержания произведения, ни творческих намерений Короленко. Они глубже, значительнее. Мы решаемся восполнить и углубить ее иной, при которой мотивы социально-политического протеста при всей их важности оказываются чем-то частным, производным. Думается, рассказ Короленко — произведение более широкого, философского, плана. Замысел автора можно кратко сформулировать так: оправдание человека, возвеличение его, утверждение его права на радость и счастье. (Это ведь и лейтмотив всего творчества Короленко!) Темный и дикий обитатель якутской тайги, влачащий жалкое полуживотное существование в тяжелом единоборстве с силами природы, обманываемый и эксплуатируемый исправниками и заседателями, старостами и попами, сумел сохранить в себе лучшие человеческие качества. Он, правда, любит выпить, жуликоват — не прочь иногда присвоить себе лисицу, попавшую не в его, а в чужой капкан, или обвесить кого-нибудь на безмене. Но разве не очевидно, что все это следствие непереносимо тяжелых условий жизни. И как далеко на задний план отступает это по сравнению с сильными, бесхитростно-человеческими чувствами его к жене и детям.

Но главное в рассказе о Макаре — это мотив богоборчества, составляющий сюжетный и идейный стержень произведения. Он восстает против самого Великого Тойона (воплощающего и природные и общественные силы, обрекающие таких, как Макар, на полуживотное существование) во имя своего человеческого достоинства, во имя своих человеческих прав.

Если бы в рассказе шла речь только о социально-политическом неравноправии и гнете, не было бы так много сказано о враждебности к Макару жестокой северной природы (за которой стоит тот же Тойон — мироустроитель): Макара «гоняли» не только старосты и исправники, но и «морозы и жары, дожди и засухи <...> промерзшая земля и злая тайга» (с. 127). Не случайно смерть Макара изображается как следствие того, что на него ополчаются силы безжалостной природы: тайга «смыкалась за ним с каким-то враждебным упорством и нигде не давала ни просвета, ни надежды <...> молодые деревья прямо, без всяких стеснений, били его по лицу, издеваясь над его беспомощным положением» (с. 113). Издеваются над замерзающим Макаром и звери, за которыми он когда-то охотился.

К обобщенно-философскому осмыслению притчи Короленко побуждает и поэтика ее, напоминая кое-чем поэтику народной сказки. Уже герой ее (мы это отметили ранее) — фигура обобщенного плана, вроде Иванушки-дурачка русского фольклора. Стихия рассказа — фантастика и символика. В фантастическом сне, где якутские реалии искусно сплетены с наивными религиозными образами и представлениями, многое имеет скрытый, по-

таенный смысл. Он сквозит за невероятными приключениями героя и совершающимися с ним чудесами — от обстоятельств его смерти до чудесного обретения дара слова на загробном суде.

В пользу предлагаемой трактовки свидетельствует, видимо, и история текста рассказа, концовка которого претерпела до напечатания существенные метаморфозы. В первоначальном варианте шла речь о пробуждении Макара ото сна, посещении им церкви и разговорах с попом и дьячком. Поп бесстыдно требует у Макара дров за крестины уже умершего ребенка, дьячок же берется за некоторую мзду разъяснить смысл увиденного Макаром сна. По его толкованию, сон этот — «к лисице», которую Макар поймает в капкан. Подобная концовка усиливала социально-обличительное звучание произведения, наглядно демонстрируя, как бессовестно обманывают несчастного Макара. Но в то же время, переключая действие в плоскость повседневного быта, она умаляла, отодвигала на задний план значение того великого спора, который вел Макар с самим господом богом. Естественно, что концовка эта была отброшена.

В следующем варианте уже ничего не говорилось о посещении церкви, о попе и дьячке. Но и здесь сообщалось о пробуждении Макара от чудесного сна. Рассказ кончался тем, что Макар, вернувшись к реальности, горько жалеет, что не умер действительно. И подобный финал представлял собой снижение, прозаизацию по сравнению с тем уровнем идейного и эмоционального звучания, который был достигнут в предыдущей сцене, завершающей описание сна: Макар и большой Тойон сокрушаются о несовершенстве жизни. Эта сцена (см. выше — с. 209) и стала в печатном тексте финальной, а версия с пробуждением героя была отвергнута.

Несомненный интерес для нашей темы представляют пометы Короленко на полях «Братьев Карамазовых». На дошедшем до нас экземпляре романа из личной библиотеки писателя много помет как раз в главе «Бунт» книги 5-й.¹¹ Отчеркнуты целые страницы. В ряде мест Короленко на полях ставит знак NB (в частности, там, где Иван требует возмездия за людские страдания). Ряд строк в тексте главы подчеркнут (например, те, где Иван заявляет, что возвращает свой входной билет на мировую гармонию).

Думается, тезис о близости проблематики и об историко-литературной связи между рассказом Короленко (в отстаиваемом нами понимании его¹²) и бунтом Ивана Карамазова не нужда-

¹¹ См.: Кронрод И. А. Пометы В. Г. Короленко на книгах Достоевского. — Лит. наследство, т. 86, с. 652—653.

¹² Необходимо указать, что богоборческий смысл «Сна Макара» был отмечен Д. С. Мережковским в книге «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Здесь говорится, что у Макара «в последнюю минуту, из какой-то страшной, неведомой глубины

ется в дальнейших обоснованиях. И тут и там человек дерзает бросить «творцу-вседержителю» обвинение в несовершенстве созданного им мира. И тут и там говорится о непереносимости человеческих страданий на земле. И тут и там страдания эти вызывают великий гнев смелого обвинителя: Иван требует отмщения и возвращает «входной билет» на мировую гармонию, Макар готов целиком отдаться обуревающей его ярости.

Встает, однако, вопрос: когда и где мог Короленко ознакомиться с романом Достоевского в целом и с главой «Бунт» в частности? Глава эта впервые увидела свет в составе майского номера «Русского вестника» за 1879 г. Но уже в марте 1879 г. Короленко был арестован, а вскоре и выслан из Петербурга. Для него начался период скитаний по тюрьмам и ссылкам, который завершился лишь в 1885 г., рассказ же «Сон Макара» был написан в 1883 г. во время пребывания в Якутии.

Ответ не представляет затруднений. С июня по октябрь 1879 г. Короленко жил в относительно свободных условиях в г. Глазове. В его письмах этого периода есть ряд упоминаний о посещении им глазовской библиотеки.¹³ Еще больше возможностей для ознакомления с текущей периодикой писатель имел во время пребывания в Перми с сентября 1880 г. до августа 1881 г.¹⁴ В декабре 1880 г. вышло уже отдельное издание «Братьев Карамазовых». Представляется вероятным, что Короленко использовал в Перми возможность ознакомиться с полным текстом романа писателя, речь которого на могиле Некрасова произвела на него столь сильное впечатление.

Близость или совпадение проблематики, о чем мы так много говорили, вовсе не означает, конечно, совпадения идейных позиций. Общие для обоих писателей мировоззренческие проблемы решались ими вовсе не одинаково. Короленко полностью солидаризуется с инвективами Макара, чего никак нельзя сказать об отношении — гораздо более сложном — Достоевского к бунту Ивана: это с несомненностью выясняется из последующих книг романа. Оправдание и возвеличение человека, с такой силой про-

человеческого духа поднимается не мольба, а крик свободы... Когда Иов, Фауст, Манфред или Каин обращаются с криком возмущенной совести к Верховному Судье, вы чувствуете, что они имеют право на голос... Но дикий полуживотное из глубины обледенелых тундр, пьяный, уродливый, грязный якут — имеет ли он такое же право на крик свободы и возмущения, как древние титаны человеческого духа? Да, имеет!.. И даже еще большее право, потому что он — бессилён, дик, безобразен и, наперекор всему этому, он человек, а не зверь» (с. 69). Но Мережковский игнорирует социальную проблематику рассказа Короленко, а без этого невозможно правильно осмыслить и оценить его.

¹³ Короленко В. Г. Письма из тюрем и ссылок. 1879—1885. Горький, 1935, с. 26, 39, 45.

¹⁴ О том, что писатель посещал Пермскую общественную библиотеку, упоминается, например, в «Истории моего современника» (Третья книга, часть 3, гл. II — см.: Короленко В. Г. Собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 187).

возглашаемые в рассказе Короленко, играют важнейшую роль и в проблематике «Братьев Карамазовых», но они преломлены там иначе, имеют другой смысл и звучание.

**Отголоски рассказа Достоевского
«Мальчик у Христа на елке» в последующей литературе**

Святочный рассказ «Мальчик у Христа на елке» был напечатан в январском номере «Дневника писателя» за 1876 г. Это яркое воплощение темы, проходящей через все творчество Достоевского, — о несчастном, безвинно страдающем ребенке. В хронологическом соседстве с ним оказываются образ маленькой девочки из «Сна смешного человека» (1877) и «дитё» из книги девятой «Братьев Карамазовых» (1880).

Как и в других произведениях Достоевского, драма маленького существа, о котором идет речь в рассказе, это драма ребенка, у которого отняты радости детства, который в самом раннем возрасте столкнулся с жестокой прозой жизни — голодом, холодом, нищетой, социальной несправедливостью. Привезенный в Петербург откуда-то из глухой провинции, заночевавший вместе с тяжело заболевшей матерью в холодном подвале шестилетний мальчик, проснувшись, оказывается предоставленным самому себе. Его мама ночью умерла, земные странствия самого малыша кончаются тем, что он замерзает в одной из петербургских подворотен. Но рассказ на этом не кончается: мальчик попадает на елку к Христу. Это елка для всех безвременно погибших детей — несчастных, отверженных, обделенных на жизненном пиру. Она ярче и радостнее той, которой мальчик любовался в одном из петербургских окон.

Подобное разрешение жизненной драмы, обрисованной с таким реализмом, естественно, представляется современному читателю иллюзорным. Но и его покоряет глубина проникновения Достоевского в психологию ребенка, сила сочувствия его человеческим горестям и страданиям.

Напрашивается сопоставление святочного рассказа Достоевского с одним из произведений Л. Андреева — написанным в 1899 г. «Ангелочком». Но прежде всего следует сказать о том значении, которое имело для Л. Андреева наследие Достоевского в целом.

Беседа в 1916 г. с Л. П. Гроссманом, Л. Андреев заявил: «Из ушедших русских писателей мне ближе всех Достоевский. Я считаю себя его прямым учеником и последователем».¹⁵ Н. Н. Ходотов вспоминает признание Л. Андреева на одном товарищеском ужине писателей и артистов, что Гойя и Эдгар По —

¹⁵ Гроссман Л. П. Беседы с Леонидом Андреевым. — Собр. соч., т. 4. М., 1928, с. 250.

только братья его, «но отец мой — Федор Михайлович».¹⁶ Возвеличению и прославлению Достоевского должна была служить написанная Л. Андреевым четырехактная пьеса «Милые призраки» (1916), в которой главный персонаж Михаил Федорович Таежников — почти не «загримированный» Федор Михайлович Достоевский. Литературным связям Л. Андреева с Достоевским посвящен ряд статей и даже книг — начиная с дореволюционной поры и вплоть до наших дней. Но в них рассматриваются почти исключительно центральные произведения Л. Андреева — его философские повести и драмы — такие как «Мысль», «Мои записки», «Анатэма» и др. Однако и в его социально-бытовых и социально-психологических рассказах нетрудно распознать отражение идей и взглядов Достоевского. Так, например, тема «добродетельной проститутки» (Лиза из «Записок из подполья», Соня Мармеладова из «Преступления и наказания») нашла воплощение в рассказах «Памятник» (1899), «На реке» (1900). Как и у Достоевского, образы «падших» женщин в этих рассказах овеяны не только глубоким авторским сочувствием, но и обаянием подлинной, высокой человечности: в моральном отношении они оказываются неизмеримо выше людей из «порядочного общества», которые относятся к ним со снисходительной «жалостью».

То же можно сказать и о другой важнейшей теме Достоевского — изображении обездоленного, обиженного судьбой ребенка. Традицию, восходящую к автору «Униженных и оскорбленных», продолжают, например, рассказы «Петька на даче» (1899), «Гостинец» (1901).

Но наибольший историко-литературный интерес среди этой группы произведений Л. Андреева должен вызвать уже упомянутый рассказ «Ангелочек». О том, что сам автор высоко его ценил, можно судить по тому, что в первом сборнике рассказов Андреева («Знание», 1901) ему отведено второе место — сразу после нашумевшего «Большого шлема».

Здесь речь идет уже не о маленьком мальчике, как в святочном рассказе Достоевского, а о 13-летнем гимназисте Сашке. Сюжетная канва значительно сложнее — отчетливо обрисованы и другие лица: рано спившийся отец и бездушная, грубая мать Сашки. Но и тут та же самая основная коллизия. Оскорбленный жизнью мальчик, лишенный всех утех детства, внезапно сталкивается с иным миром, озаренным радостью. В центре этого мира рождественская елка с ее манящими дарами.

Нужда и пьянство родителей сделали безрадостным детство Сашки, рано озлобили его против окружающих. Получив от богатых «благодетелей» приглашение на рождественскую елку, он воспринимает красоту и яркие огни елки, столпившихся вокруг

¹⁶ Ходотов Н. Н. Далекое — близкое. М., 1962, с. 213—214.

чистеньких и благообразных детей как нечто чуждое и враждебное. Но вот Сашка замечает на елке воскового ангелочка с изящными ручками, прозрачными крылышками и, как ему кажется, с каким-то особенным выражением лица. «Сашка не сознавал, какая тайная сила влекла его к ангелочку, но чувствовал, что он всегда знал его и всегда любил... любил больше, чем отца, и больше, чем все остальное». Ему удастся выпросить ангелочка у хозяйки, и он приносит его домой. Ангелочек с рождественской елки становится для Сашки воплощением всего того радостного и светлого, чего не было в его жизни. «Бесформенны, туманны были мечты Сашки, но тем глубже волновали они его смятенную душу. Все добро, сияющее над миром, все глубокое горе и надежду тоскующей о боге души впитал в себя ангелочек, и оттого он горел таким мягким божественным светом, оттого трепетали бесшумным трепетанием его прозрачные стрекозиные крылышки...».

Как видим, воплощение и развитие той же, что и в рассказе Достоевского, коллизии здесь совершенно иное. Однако глубокое внутреннее родство сравниваемых произведений было в свое время отмечено таким тонким ценителем, как А. Блок. В одной из записных книжек его (1905) есть запись: «Рождество. Золотой век... Мальчик на елке у Достоевского и у Л. Андреева».¹⁷ В статье Блока «Безвременье» (1906) прямо указывается, что «Ангелочек» Андреева «наглядно совпадает с „Мальчиком у Христа на елке“ Достоевского».¹⁸

И разрешение жизненной драмы обездоленного ребенка у Андреева иное, чем у Достоевского, более правдоподобное — трагическое. Неосторожно подвешенный к отдушине печки ангелочек под влиянием тепла постепенно тает, превращаясь за ночь в бесформенную массу воска. Суровая проза жизни ничего не оставляет от туманных детских мечтаний.

Созданный Андреевым образ воскового ангелочка вдохновил Блока написание одного из его шедевров — стихотворения «Сусальный ангел» (1909). Это стихотворение оказывается, таким образом, следующим этапом в развитии темы, навеянной рассказом Достоевского.

Уже у Андреева предметом детских вожделений становится не рождественская елка, но лишь ангелочек с елки, причем образ этот приобретает символический смысл. Он вбирает в себя всю тоску раненой детской души по лучшей жизни.

В стихотворении Блока значение символа углубляется — до человеческих мечтаний и надежд вообще, а раскрытие его обретает лирическую силу и выразительность. Здесь уже не изобраа-

¹⁷ Блок А. Записные книжки 1901—1920 гг. М., 1965, с. 70.

¹⁸ Блок А. Собр. соч., т. 5, М.—Л., 1962, с. 68.

женные со стороны переживания ребенка, но горестная жалоба поэта на обманутые чаяния и стремления.

В начале стихотворения сохранилось еще упоминание о том, что ранее играло столь существенную роль, — о рождественской елке и собравшихся вокруг нее детях:

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

Но в дальнейшем речь идет только об ангелочке. Он гибнет так же, как в рассказе Андреева:

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

В заключительных двух строфах по сердцам ударяет проникновенный голос поэта, разъясняющий смысл случившегося: человеческие мечтания обречены на гибель:

Ломайтесь, тайте и умрите,
Создания хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

Сказанного, однако, недостаточно для определения места в литературном процессе, которое занимает святочный рассказ Достоевского. Сейчас наступила пора бросить взгляд назад — к литературным истокам «Мальчика у Христа на елке».

Упоминание в черновых записях Достоевского имени немецкого поэта дало возможность Г. М. Фридендеру установить, что сюжетная канва названного рассказа восходит к стихотворению Рюккерта «Елка сироты» (1816). Исследователь показал, сколь радикальному переосмыслению подверглось под пером Достоевского содержание баллады Рюккерта.¹⁹

В итоге представляется, следовательно, возможность проследить целых четыре звена историко-литературной преемственности в развитии интересующей нас темы, как бы шествующей через страны и века. Правда, начальное и конечное звенья этой цепи уже имеют мало общего между собой.

¹⁹ См.: Фридендер. Реализм Достоевского. М.—Л., 1964, с. 297—307.

От сентиментальной рождественской баллады Рюккерта, где вся обстановка и действующее лицо совершенно условны и схематичны, где нет и намека на социальные противоречия, — к глубоко реалистическому (несмотря на явление Христа замерзающему мальчику), к насыщенному психологизмом и социальным драматизмом рассказу Достоевского. От него — к замечательному рассказу Л. Андреева, где реализм ничем не нарушается, а центральная коллизия облечена в форму емкого образа-символа. В последнем звене цепи — гениальном создании Блока — от первоначальной сюжетной схемы почти ничего не остается, но небывалой силы достигает эмоциональное звучание и новой глубины тема — ею стала трагичность человеческого существования.